

Неужели из-за нищего я кажусь тебе посмешищем?

О чём ты говоришь? Все мы одинаковые, по крайней мере мы все китайцы, верно? — я, не слишком сильный в общении, и сам не понял, что именно сорвалось у меня с языка, но это прозвучало как какое-то неуклюжее утешение.

Он не показался мне таким уж странным, как я воображал, и держался совершенно просто.

Ветер срывал жухлую листву, устилая землю багрянцем кленовых листьев. Как и всегда, я, как и всегда, случайные прохожие — в этот миг всё казалось таким безмятежным.

Меня зовут Гу Аньи, можешь звать меня Цанмин. — Он надвинул на самые брови чёрно-серую фетровую шляпу из овечьей шерсти, под которой скрывалась уложенная с гелем стрижка, а массивные солнцезащитные очки закрывали пару бронзовых глаз со ввалившимися глазницами. Усевшись на скамейку, он аккуратно расправил полы длинного халата-магуа, закинул ногу за ногу и всем своим учтивым видом напоминал образованного литератора времён ранней Китайской Республики.

Судя по внешнему виду, этот Гу Аньи должен был быть молодым и преуспевающим человеком, но по какой-то причине он ухитрился довести себя до столь жалкого и растрёпанного вида.

Зови меня Сюй Тай, и не нужно никаких других имен. Я человек грубый, и до ваших сложностей — со всякими именами, вторыми именами и прозвищами — мне дела нет.

Я привел его на уединенную парковую аллею неподалеку от университета. Это было мое излюбленное тихое местечко, куда мало кто заходил. Поздними вечерами, когда вокруг царила тишина, я любил приходить сюда один, чтобы просто погрузиться в задумчивость. Бывало, я в одиночестве бродил здесь студенческой зимой, превращаясь в безжизненного снежного истукана, и с оцепенением смотрел на чужое, не предназначенное для меня шумное веселье. Думал о прошлом, мечтал о будущем.

Теперь же плющ оплетал каждую заржавевшую решетку этой галереи. Время от времени налетал ветерок, раздвигая листву на зеленых побегах, оставляя просветы, и сквозь них на нас падали лучи солнца, создавая эффект Тиндаля. От этого его бронзовая кожа казалась еще более блестящей, а высокие скулы обтягивал тонкий слой кожи, словно под ней спрятали что-то твердое, лишь благодаря чему лицо держалось.

Редким прохожим со стороны могло показаться, что это какой-то студент вывел погулять странно одетого мужчину средних лет.

Впрочем, он был не так уж стар — просто за ним некому было ухаживать, из-за чего, когда я впервые взглянул на него, мне и в голову не пришло, что у этого человека вообще есть семья.

У каждого есть своя история — разве кто-то рождается без нее?

Он молча вытащил из рукава пожелтевшую фотографию. Это действительно был старый снимок времен Китайской Республики, и поначалу я решил, что всё дело в технике фотоателье, а потому не придался особого значения.

Глядя на трёх маленьких девочек запечатленных на карточке, Гу Аньи прищурился с умилением и гордостью, придвинулся ко мне ближе, прижался к моему боку и стал указывать на них, показывая свою счастливую и благополучную семью.

У меня три дочери, прелестные, правда?

Я разглядел на фотографии трех миловидных девочек лет пяти-шести. Похожие на троих близняшек, в платьицах в мелкий цветочек, они невольно вызвали у меня приступ зависти и разлившегося в груди тепла. Цокая языком от восхищения, я ответил ему:

Прелестные.

Только вот все дети остались на родине. Из всей семьи из пяти человек лишь мы с женой надолго уехали за границу... уже пятнадцать лет прошло. — Гу Аньи тяжело вздохнул, глядя в небо, и прикрыл глаза, воображая живые и милые лица дочерей.

Пятнадцать лет? Разве не тогда я впервые уехал из страны за границу? Значит, он с женой тоже перебрался за океан в то же время? И эта встреча спустя пятнадцать лет — случайность или предопределенность?

Шаг за шагом я переводил разговор на другие, незначительные темы и из чистого любопытства спросил:

А твоя жена?

Его глубокие глаза стали невероятно нежными. Однако такой нежный взгляд, обращенный ко мне, выглядел до странности неуместно, неся в себе едва ли не любовный трепет. Я выдавил из себя улыбку и пошутил:

Далеко за горами, а на самом деле — прямо перед тобой.

Я отпрянул в ужасе. Вокруг не было ни души, не говоря уже о какой-то китаянке. Неловко ткнув пальцем в собственную грудь, я задрожал губами и выдавил:

Что это значит?

Он был уже вторым китайцем, встреченным мной за границей. Первым был тот таинственный юноша в аэропорту, а этот дядька по имени Гу Аньи — вторым. Один из них заявлял, что он автор всей книги, и болтал о каком-то романе под названием Картина Трех Учений. А теперь этот мужчина — мало того, что слепой, так еще и с пеной у рта доказывал, будто я его жена! Даже если я отпустил длинные волосы, неужели нельзя отличить мужчину от женщины? Разве он не слышит мой низкий, хриплый голос?

Короче говоря, оба эти чудика были один загадочнее и страннее другого.

Я ждал тебя. Ждал целых восемьдесят лет. — Он говорил так непринужденно, а в уголках его глаз под ресницами теплилась легкая улыбка, от которой по всему моему телу побежали мурашки и стало жутко до тошноты.

Постой! Погоди-ка! Дай мне прийти в себя! — я зажал ему рот рукой, растерянный и совершенно сбитый с толку. Воспользовавшись моментом замешательства, я решил докопаться до правды: — Ждал меня? Ты меня знаешь? Ты вообще знаешь, кто я такой?

Серьезно, восемьдесят лет? Шутите? Да если сложить наши возрасты вместе, и то восьмидесяти не наберется, а этот странный Гу Аньи утверждает, что ждал меня восемьдесят лет! Он что, во времени переместился или страшные сказки рассказывает?

Конечно, я тебя знаю. Ты же моя вторая половинка, как я могу тебя не знать? — отвечая, он все так же чуть улыбался — то ли всерьез, то ли в шутку, а пойдя разбери, где правда, а где вымысл. Я же стоял с каменным лицом, надеясь, что он просто шутит со мной.

Я попытался вникнуть в скрытый смысл его слов, но нет — в этот момент мне и вправду стало не по себе. Если он ждал меня пятнадцать лет, то выходит, я столкнулся со сталкером? А если он говорит, что ждал восемьдесят лет, то не задолжал ли я ему в прошлой жизни какой-нибудь романтический долг, из-за которого он выбрался из преисподней, чтобы прийти за моей душой?

Я последовал за тобой на эту землю, последовал за твоей жизнью. Ты ведь рос на глазах у всех нас, столько людей ждали, пока ты вырастешь.

Все... чего ждали? Пока я вырасту?

Ждали этого дня, ждали этого мига, ждали, когда ты спустишься вниз, ждали, когда ты выбросишь этот Колокольчик Цзымо. Совпадение? — Горячась, он слегка закатал рукава, и на его прежде тусклом лице проступило хищное, похожее на птицу хищника выражение, тут же сменившееся мимолетным торжеством.

Я запутывался все сильнее и, совершенно не понимая, к чему он клонит, отделался дежурной фразой.

В твоей жизни... тебе от меня не уйти. Позже ты поймешь, что я отношусь к тебе ничуть не хуже, чем Мо Шанцин.

Я горько усмехнулся, невольно натягивая капюшон на голову, и холодно бросил:

Дядя, в моей жизни даже у меня самого нет никакого направления, а ты уже всё за меня распланировал?

Он перекинул ногу на ногу, приподнял полу халата, взмахнул рукой и произнес:

Молодой человек, это спланировал не я, это ты сам так спланировал. Не забывай, в тот год ты сам выбрал похоронное бюро вместо учебы, сам решил встретиться с Мо Шанцином, сам согласился на отправку за границу... и даже.

Я слушал как замороженный, но он вдруг замолк. Поднявшись на ноги, я потребовал продолжения.

Он говорил легко, с холодной усмешкой и насмешкой, рана мое глубоко травмированное сердце и язвительно произнося:

Хе-хе, и даже сам решил своими руками убить Хэ Сяожань.

В моей голове словно сверкнула молния. После громового удара в ушах зазвенело, в глазах потемнело и заплескали искры. Услышав его слова, я вмиг заледенел, чувствуя себя букашкой, отчаянно борющейся в пучине горького моря.

Упав духом и колеблясь, я схватил его за воротник и принялся лихорадочно оправдываться:

Нет! Это не я!

Что значит не ты? Ты можешь обмануть себя, но неужели надеешься обмануть всех остальных? По своей природе ты — Рожденный с духовным корнем, сама твоя суть находится в естественном противоборстве со всем на свете. Проще говоря, для всех ты — источник несчастий. Кто бы ни приблизился к тебе, он сам накликает беду: в лучшем случае разобьется в лепёшку, в худшем — лишится души и рассудка. Разве что этот Мо Шанцин всё еще тоскует по тебе.

Но ты...

Признаю, когда-то ты был моей законной женой, но сейчас это не так. Тот, кого я ищу — Юй Цзин, а не ты, Суй Тай, и это различие я прекрасно понимаю. Я ведь не этот Мо Шанцин, который не может отличить Чэнь Си от Суй Тай.

С этими словами он поднялся, собираясь уходить. Я перехватил его за рукав и выпалил:

Кто ты такой в конце концов! И что тебе еще известно?

Он снова нахлобучил шляпу. Что ему известно? Отвечать он не стал — лишь холодно усмехнулся, вытащил из рукава бумажку, карточку с указанным адресом, и протянул мне.

Я бы тоже хотел рассказать тебе всё, но сейчас нельзя. Я дорожу своей жизнью и боюсь, что этот безжалостный Господин Шанцин забудет меня до смерти. Впрочем, я знаю наверняка: мы еще увидимся.

Постой! Не уходи!

Гу Аньи исчез прямо посреди воздуха, словно его никогда и не было, обратившись в прозрачную дымку и растворившись в пространстве. Я даже не успел его удержать. Ущипнув себя за руку, я усомнился: не сон ли это? Боль была вполне реальной — похоже, не сон.

Возвращаясь в общежитие в полном одиночестве, я заметил, что все вокруг смотрят на меня странными взглядами. Впрочем, подобные взгляды случались не впервые: пятнадцать лет жизни за границей в одиночестве, без единой родной души, и постоянное презрение окружающих стали привычным делом, к которому я уже давно адаптировался. Но на этот раз взгляды были совсем другими — в них сквозило какое-то жуткое, пугающее недоумение.

От этого мне стало не по себе, и я, опустив голову, быстрым шагом направился к себе. На лестничной клетке я столкнулся нос к носу сокурсником Чарли. Тот испуганно и встревоженно перегородил мне дорогу и, заговорщицки вцепившись мне в плечо, зашептал на ухо:

Мы тут заметили, что ты целый день разговаривал сам с собой и жестикулировал перед пустотой. С тобой всё в порядке?

Разговаривал сам с собой? Сегодня я... да быть такого не может. — Сердечный ритм сбился, в груди выросла такая усталость, что мне уже не хотелось ничего объяснять, тем более что я и сам не мог найти ни единого разумного объяснения. Губы мелко дрожали, в голове стояла звенящая пустота. В панике вытащив из кармана оставленную мужчиной бумажку, я даже не знал, с чего начать. Не в силах совладать с собой, я стоял так, что ноги едва держали меня от дрожи.

Кое-как разобрав адрес и отмахнувшись от сбезевшихся зевак, я пустился бежать сломя голову.

Сжав записку, я сломя голову помчался по указанному адресу. Бешеный бег... Как такое возможно? Неужели они все не видели Гу Аньи? Или я и впрямь сошел с ума?

Не смея думать об этом: если он и вправду душа, явившаяся из преисподней, то кто же тогда я сам? По его словам, я — его законная жена Юй Цзин, но шестнадцать лет назад Мо Шанцин называл меня Чэнь Си... Так кто же я на самом деле?

Мое прошлое и настоящее переплелись в тугой, неразрушимый узел, погружая мою жизнь во всё большую неопределенность. Я больше не видел впереди ни проблеска надежды — сплошная тьма, ни единого луча света.

Добравшись до места назначения, я был весь мокрый от пота, задыхался и никак не мог отдышаться. Прислонившись к двери, я слышал лишь шаги, раздававшиеся где-то поблизости, и не решался постучать. Меня сковал страх перед неизвестностью: что ждет меня за этой дверью — радость или новый ужас? Найдется ли за ней то, что я так жажду узнать?

Наконец, собравшись с духом, я нажал на кнопку звонка. Дверь открыл чернокожий мужчина, и в этот момент я окончательно оцепенел, превратившись в безжизненную деревяшку. Попытавшись изобразить на застывшем лице вежливую улыбку, я поприветствовал его и заикаясь спросил о том, что меня волновало.

Я живу здесь постоянно, и никаких китайцев тут никогда не было. Вы должно быть ошиблись адресом.

Я растерянно вышел на улицу, мысли путались, не зная, куда податься. Неужели жизненный путь всегда настолько тернист? Мое лицо было бледным и изнуренным, а пряди волос трепетали на ветру у самого лба. Внезапно налетевший порыв ветра принес откуда-то пожелтевший лист бумаги, прижатый к опавшей листве. Нагнувшись, я поднял его и увидел имя адресата: Третьему воплощению Сюй Тая.

Что это значит? Я увидел свое имя, но смысл слов о трех воплощениях ускользал от меня.

Дрожащими пальцами развернув письмо, я увидел несколько строк, выведенных аккуратным и плавным почерком в стиле тонкого золота:

Прошлое, настоящее, будущее;

Страх потерять, страх обрести;

Мы снова встретились. С возвращением, младший второй господин.

Подпись: Гу Аньи

<http://bllate.org/book/22324/2338168>